The University of Osaka
Institutional Knowledge Archive

Title	Русский образ в мемуарах японских иммигрантов в Маньчжурии 1920-1940гг.: Тенденции в изобаажении русского человека и размышления о русском национазьном характсре
Author(s)	Якименко, Р.Н.
Citation	言語文化共同研究プロジェクト. 2016, 2015, p. 71-82
Version Type	VoR
URL	https://doi.org/10.18910/57317
rights	
Note	

The University of Osaka Institutional Knowledge Archive : OUKA

https://ir.library.osaka-u.ac.jp/

The University of Osaka

Русский образ в мемуарах японских иммигрантов в Маньчжурии 1920-1940 гг.

Тенденции в изображении русского человека и размышления о русском национальном характере

Якименко Р.Н.

1920 - 1940 年代の満洲における日本人の回想記から見たロシア人の表象

――ロシア人表象の記述に見られる傾向及びロシア民族の性格に関する考察を焦点に――

R. ヤキメンコ

Исследования образа «культурного другого» в различных видах художественного творчества и средств массовых коммуникаций всегда имели большую популярность. Однако их актуальность возросла в 20 в., когда миграция населения и всевозможные виды межкультурных взаимодействий приобрели невиданные ранее масштабы.

В данном контексте особый интерес приобрел мемуарный жанр, где размыты границы художественности и документальности, и где автор, выступая в роли «портретиста», изображает своего современника в его натуралистичном виде.

Объектом наших исследований были выбраны мемуары представителей японской диаспоры в Маньчжурии периода 1920-1940-х гг. В указанный промежуток времени множество японцев проживало в среде многочисленной русской диаспоры в Харбине, получив возможность непосредственного общения с русскими людьми. «Вовлеченность» обычных русских и японских иммигрантов в общие исторические события, а также четкое разграничение социальных ролей на «доминирующий» и «колонизированный» класс в период существования марионеточного государства Маньчжоу-го побуждают нас пристальнее взглянуть на мемуары японцев, проживавших в Маньчжурии в период 1920-1940-х гг.

Японские авторы мемуаров, обладая особым взглядом на эпоху и своего современника, создавали единый авторский «портрет» русского человека, который оказался чрезвычайно важным для понимания отношения к представителю иной культуры в первой половине 20-го века. В настоящей статье нас интересует вопрос, каким представлялся русский человек и русский национальный характер обыденному японцу, проживавшему в Маньчжурии в период 1920-1940-х гг.

Авторами представленных в данной работе мемуаров являются японские представители «среднего класса», проживавшие в Маньчжуриии в 1920-1940-х гг. в разных возрастах.

1. Образ русского иммигранта в японских исследованиях

Образ русского белоиммигранта в Маньчжурии периода 1920-1940-х гг. представляет глубокий интерес для японских исследователей.

В период существования государства Маньчжоу-го Япония занимала доминирующую позицию в Маньчжурии, в то время как русская диаспора попала в группу колонизированных народов. Посредством изучения визуальных материалов (открыток, агитационных плакатов) Икута (2007) исследовала «японский взгляд» на русского иммигранта и определила роль, отведенную ему. Икута отмечает, что в процессе создания идеологии нового государства, гласившей, что «Харбин – самая близкая к Японии Европа», образ русского белоиммигранта использовался в качестве «рекламной вывески» [3, с. 92].

В качестве примера приводится открытка, изображающая «европейский образ жизни»: на ней мы видим русских «модниц», сидящих возле универмага [3, с. 92].

Когда у правительства Маньчжоу-го возникла необходимость агетировать японских крестьян на переселение в Маньчжурию, трудолюбивый русский житель деревни Романовка был выбран в качестве образца для подражания [3, с. 94].

Популярностью пользовался и образ русской белоиммигрантки. Однако иногда он подавался с эротическим уклоном. Открытки, где японский мужчина изображался в компании русских женщин, подтверждали идею о том, что в государстве Маньчжоу-го о равноправных отношениях между представителями японской и русской диаспоры не может быть и речи [3, с. 95].

Исследователи обращаются и к такому разделу японской литературы как «маньчжурская литература», анализируя произведения японских писателей, проживавших в Маньчжурии.

Исследователя Коидзуми Кеми (2012) интересовал вопрос, как изменялся образ русского белоиммигранта на протяжении всего времени существования государства Маньчжоу-го. Подчеркивается, что здесь большую роль играла идеология. В первые годы

японское правительство предостерегало общество об опасностях со стороны представителей советской разведки, и потому образ советского «шпиона» либо «шпионки» обязательно фигурировал и в японских рассказах [8, сс. 2-4].

Со временем в произведениях появляется положительный образ трудолюбивого «белоиммигранта - крестьянина». Созданная в русской деревне атмосфера «мирной родины» вызывала пристальный интерес со стороны японцев, и, к примеру, деревня Романовка изображалась как образец воплощения в реальность идеи государства Маньчжоу-го о содружестве наций [8, сс. 5-7].

Японские исследователи обращались и к образу русской белоиммигрантки. Игауэ (2015) анализирует произведения Маньчжурской литературы с целью рассмотреть особенности изображения русской белоиммигрантки – жительницы Маньчжурской деревни. Замечено, что в большинстве рассмотренных японских рассказов между японским мужчиной и русской женщиной всегда сохраняется дистанция. И хотя в одном из рассказов дело так и доходит до брака, в итоге герои так и решаются идти под венец.

По мнению Игауэ, препятствием к сближению японца и русской иммигрантки служили предрассудки, основанные на слухах о «распущенных русских женщинах в городах». Свою роль сыграла и разница в социальных статусах «доминирующий» и «колонизируемый», а также опасения, связанные с чрезмерным распространением смешанных браков [3, сс. 159 - 183].

Икута (2010) также обращалась к образу русской белоиммигрантки в визуальных материалах, акцентируя внимание на стиле одежды и способе подачи обнаженного образа русской белоиммигрантки в контексте устройства общества государства Маньчжоу-го, где был определен «доминирующий» и «колонизируемый» класс. Отмечается, что японскому правительству было необходимо пропагандировать современность, прогрессивность государства Маньчжоу-го. Русская белоиммигрантка стала олицетворением «модэрн-герл», работающей женщины - представительницы западной культуры.

Пользовался популярностью и образ русской крестьянки, всегда готовой к всеобщей военной мобилизации ради спасения государства. В качестве примера приводится открытка, где русская женщина изображается облаченной в шаровары и японскую рабочую одежду «хаппоги». В государстве Маньчжоу-го было создано «сообщество защитниц Маньчжурии», где существовал и русский отдел. Для укрепления боевого духа женщин Маньчжурии и пригодился образ русской крестьянки, одетой несколько «по-мужски».

Большой интерес вызывал и образ «русской блондинки» - объекта мужского вожделения. Отмечено, что одним из первых мест, куда направлялся японский турист в Маньчжурии, было кабаре с русскими танцовщицами. Япония покорила Азию, а созданный образ «русской белоиммигрантки - объекта мужского вожделения» стал символом

политического доминирования Японии и над русским населением в Маньчжурии [5, сс. 19-33].

Отсюда видим, что как в литературных произведениях, так и в визуальных материалах, образ «русского белоиммигранта» создавался не без влияния политической пропаганды государства Маньчжоу-го, и в контексте установившейся модели отношений между представителями японской и русской диаспоры – «доминирующий» - «колонизируемый».

Образ русского человека и русского национального характера, описанный в японских мемуарах, пока не рассматривался исследователями. Однако такие преимущества мемуаров, как некоторая свобода от влияний политической пропаганды (в отличие, к примеру, от произведений рассмотренной ранее «маньчжурской литературы», мемуары создавались уже после репатриации японского населения из Маньчжурии), а также описание личного опыта непосредственного общения с русскими людьми позволяют предполагать, что в мемуарах автору удалось воссоздать более натуралистичный портрет русского человека и русского национального характера.

Рассматривая мемуары японских иммигрантов, проживавших в Маньчжурии в период 1920-1940 - х гг., мы попытаемся изучить особенности изображения русского национального характера и образа русского человека, определить, насколько данные зарисовки согласуются с общим контекстом произведения и замыслом автора, а также выделить тенденции в изображении портрета «русского человека» и русского национального характера.

2. «Русская тема» в японских мемуарах и ее роль в тексте

В данной статье нами были отобраны мемуары представителей японской диаспоры в Маньчжурии 1920-1940-х гг., где «русской теме» отводится наиболее значительная роль.

Рассмотрим мемуары Като Тосико, выпущенные в двух вариантах: «Хроники Харбин-Синдзюку», где история жизни Като Тосико пересказана словами писателя Сэкимура Хироко, и «Слышится харбинская песня», где повествование ведется от лица самой Като Тосико.

«Русская тема» является одной из центральных в мемуарах Като Тосико. Новая жизнь молодой пары Като в Маньчжурии строится при активном участии представителей русской диаспоры, и семья Като успешно интегрируется в русское сообщество. Поскольку Като Тосико проживала буквально «внутри» русского сообщества, в описаниях портретов русского человека отражается глубина понимания «русской души».

Автор мемуаров «Сумерки Харбина» Янагита Момотаро занимал пост в канцелярии администрации Маньчжоу-го. Янагита Момотаро был увлечен идеей построения «идеального государства» в Маньчжурии. В разделе, посвященном личным воспоминаниям, Янагита упоминает и русскую диаспору в Харбине. Из всех сторон жизни русской диаспоры в

Маньчжурии автора больше всего привлекала религиозная деятельность.

«Русские зарисовки» эпизодически появляются и в мемуарах Одзэки Хисамити «Харбин. Воспоминания». Период проживания в Харбине приходится на школьные годы Одзэки, и потому многие эпизоды о русской диаспоре, а также «портреты» некоторых русских иммигрантов подаются как наиболее яркие детские впечатления, историческая значимость нескольких эпизодов вызывает сомнения.

Период проживания в Харбине Икуко Фукуяма также приходится на детские годы. Описания японской школьницы позволяют взглянуть на русских людей и русскую культуру под другим углом.

Автор мемуаров «Сунгари на закате» Кацуяма Есико включает в текст отрывки из дневников отца. Отец Кацуяма описывает опыт совместной работы с «советскими» в период советской оккупации Маньчжурии в 1945 г.

В мемуарах «Дружба между учителем и учеником превосходит национальные границы» Симидзу Сансей описывает период службы на посту директора Северо-Маньчжурского университета, где у него завязались крепкие дружеские связи с русскими студентами. Подчеркивается, что в период советской оккупации японский учитель неоднократно получал помощь от своих русских подопечных.

Автор мемуаров «История создания деревни Романовка» Гото Харуеси относился к романтикам-идеалистам, мечтавшим о реализации идеи «гармоничного содружества наций», пропагандируемой в государстве Маньчжоу-го. Автор занимается строительством «идеальной деревни», лично отбирая русские семьи, соответствующие его требованиям.

В мемуарах Гото Харуеси «Один инцидент, связанный со шпионажем» ставится вопрос о том, возможны ли доверительные отношения между представителями японской и русской диаспор в период всеобъемлющей тревоги относительно «шпионской угрозы» в государстве Маньчжоу-го.

Таким образом, мы видим, что степень «близости» между японскими и русскими иммигрантами могла значительно отличаться. Если, например, Като Тосико удалось стать «своей» в кругу русской диаспоры, то такие авторы, как Янагита Момотаро и Кацуяма Есико, всегда сохраняли некоторую дистанцию, что отражается и в мемуарах данных авторов: описания русской диаспоры выстраиваются скорее с позиции «стороннего наблюдателя».

В следующей главе мы рассмотрим, какие особенности русского национального характера описываются в вышеназванных мемуарах.

3. Размышления о русском национальном характере

Одной из особенностей русского национального характера японские авторы мемуаров называют любовь к праздному образу жизни. Като Тосико отмечает, что как бы ни были заняты русские иммигранты, у них всегда находилось время на отдых, прогулку в парке,

встречу с друзьями. От русской пожилой женщины молодая японка получала следующие наставления: «Пока молодая, пока руки красивы – развлекайся!» [10, с. 122]. В мемуарах Като Тосико стремление наслаждаться жизнью было названо философией русского народа.

Янагита Момотаро, имевший опыт участия в русском застолье, вспоминает, как все «не жалея сил, нередко пели и танцевали до рассвета», а русская мадам называла умение танцевать фокстрот необходимым во взрослой жизни навыком. [12, с. 200]

Като Тосико отмечала чувство собственного достоинства русского человека, вне зависимости от его социального статуса. Приводится в пример русская прислуга, ни при каких обстоятельствах не желавшая изучать японский язык [6, с. 132].

Японцы, приобретшие опыт близкого общения с представителями русской иммиграции, отмечали, что, в общем, у русского человека «доброе сердце». Като Тосико брала на себя риск вести переговоры с советскими солдатами, неоднократно нападавшими на открытый в период советской оккупации пункт временного размещения японских женщин и детей. Причину своей храбрости Като Тосико объясняет следующими словами: «Я прожила с русскими много лет, и знаю, что они совсем не опасны. Если с ними заговорить по-русски, уже только поэтому они с радостью откроют свое сердце» [10, с. 24]. И при описании многих русских знакомых Като Тосико отмечает доброту как одно из их достоинств.

Доброту и благодарность русских людей отмечает и Симидзу Сансэй в мемуарах «Дружба между учителем и учеником превосходит национальные границы». Симидзу вспоминает как в период советской оккупации Маньчжурии его бывшие русские студенты защищали «своего директора» от «визитов» советских солдат, а также предлагали помощь его дочери [2, с. 155].

Янагита Момотаро, Като Тосико и многие другие авторы отмечают, что русскую иммиграцию объединяет такое качество как глубокая религиозность. Оценивается степень ответственности русского иммигранта за исполнение всех религиозных обрядов. Восхищало японского автора и то, что во имя веры русский иммигрант был способен искупаться в ледяной купели. Однако Янагита считал, что религиозность русских людей была несколько чрезмерной, и сравнивал верующих с «фанатиками» [12, с. 225].

Гото Харуеси в мемуарах «История создания деревни Романовка» упоминает о склонности русского крестьянина к «разгильдяйству». Автор описывает процесс реализации идеи по созданию «идеальной» русской деревни Романовка, жители которой собственными силами создают общество, соответствующее идеологии государства Маньчжоу-го. Автор прикладывает большие усилия ради реализации своей мечты – тщательно выбирает подходящие семьи, предоставляет необходимые строительные материалы, направляет консультантов, обучающих ведению хозяйства. Однако со временем до автора доходят слухи о случаях конфликтов, пьянства, «отлынивания» от своих обязанностей. Автор оставляет

ситуацию без комментариев, и не желает проверять истинность слухов [2, с. 205]. Предполагается, что Гото Харуеси опасался разрушения иллюзий относительно идеи создания «идеального общества».

Като Тосико разглядела разницу в менталитете русских людей и евреев. Отмечаются не свойственное русским людям стремление сэкономить каждую копейку, склонность хранить «про запас» «отходы производства», (приводится эпизод, когда швеи откладывали в банку обрывки ниток и лоскутки ткани), а также умение раньше других узнавать ценную информацию [6, с. 214].

Отдельно рассматривается тема менталитета советских людей. Отец Кацуяма Есико (автором не приводится его имя) в период советской оккупации Маньчжурии направляется в трудовую бригаду, где советские солдаты вместе с японцами занимались строительством железной дороги.

В ходе работы в советской бригаде автор записывал наблюдения о национальном характере советских людей. В дневниках отмечается особое отношение ко времени, что, например, проявлялось в несоблюдении сроков выполнения работы. Автор вспоминает, как долго приходилось ожидать прибытие поезда, который должен был появиться «совсем скоро» [7, с. 187].

Рассматривается и проблема «ответственности» в коллективе. Приводится пример, когда часовой не сознается в том, что был свидетелем кражи, из-за которой «проглядевшему» инцидент другому часовому грозило наказание. Отец Кацуяма делает следующее заключение: «Русские солдаты наверно считают, что если проблема находится за пределами их ответственности, то, пусть даже у товарища будут неприятности, вмешиваться не станут» [7, с. 192].

Отец Кацуяма Есико отмечает различия и в форме отношений между вышестоящими и подчиненными в русской и японской армиях. Описывается, в русской армии не считается зазорным «фамильярничать» и, более того, заводить дружеские отношения с вышестоящим лицом, принадлежащим к другому отряду. По мнению автора, «если бы такое произошло в японском отряде…обвинили бы в неуважении и тут же отправили на гауптвахту» [7, с. 196].

В дневниках отца Кацуяма поднимается вопрос, заслуживает ли русский человек доверия: «Сложно судить, кто из них твой друг, а кто – враг. Человек, еще вчера разговаривавший с тобой в льстивой манере и с улыбкой на лице, может неожиданно сменить тон общения и поручить заранее невыполнимое задание. А не выполнишь – хладнокровно застрелит в присутствии других» [7, с. 197]. Автор считает, что взаимное недоверие - часть русского менталитета: «При личном общении с ними хорошо, они на самом деле позитивные люди. Но когда речь идет о коллективе, здесь все по-другому. Они никому не доверяют – ни родственнику, ни брату, ни родителям, и, в конечном счете, не доверяют даже самим себе».

Причины автор ищет в русской истории, ведь на протяжении сотен лет русский крестьянин находился под гнетом своего хозяина - землевладельца [7, с. 196].

Проблема недоверия русского к японцу поднимается в мемуарах Харуеси Гото «Один инцидент, связанный со шпионажем». Автор мемуаров подозревает, что учитель русского языка донес на него японским спецслужбам. Причиной послужило желание Харуеси Гото изучать русский язык по советским газетам и учебникам. Несмотря на уверенность Гото в безопасности «авантюры» (утверждалось, что советские газеты находились в свободном доступе для работников КВЖД), учитель, тем не менее, выражал сомнение: «Пойми, что мы находимся в статусе иммигранта. Даже при малейшем подозрении в симпатии советскому режиму, я не выживу и дня».

Гото, тем не менее, после инцидента не разочаровывается в русских, подчеркивая, что у него осталось множество русских друзей [2, с. 220].

Таким образом, можно сказать, что авторы мемуаров, путем создания психологического портрета конкретного человека, пытались выявить черты, присущие определенной группе русского населения. Так, например, отец Кацуяма Есико на основе опыта общения с небольшой советской бригадой сделал выводы о национальном характере «советского человека», а Като Тосико, проработав некоторое время в еврейской семье, описала менталитет «русских евреев». В зарисовках русского национального характера подчеркиваются негативные и позитивные стороны, что дополняется «красочными» примерами. Другими словами основной целью подобных описаний являлось моделирование читательского восприятия. В следующие главе будут рассмотрены особенности образа русского человека, описанного в японских мемуарах.

4. Образ «русского человека» в японских мемуарах

Трагическая история русских беженцев была известна японцам, проживавшим в Маньчжурии. Многие авторы испытывали к ним искреннее сочувствие, и потому в мемуарах встречается образ «обездоленного русского иммигранта».

Школьница Фукуяма Икуко замечала на улицах русских белогвардейцев, просивших милостыню: «Я часто встречала маньчжурских попрошаек, однако русские солдаты были покрыты шрамами, выглядели искалеченными, но держались стойко, не смотря ни на что. От подобной картины мое сердце обливалось кровью» [11, с. 102].

Одзэки Хисамити неоднократно посещал деревню русских белоиммигрантов, в воспоминаниях подчеркивается их бедственное положение. Автор побуждает читателя «сопереживать» обездоленному русскому иммигранту, описывая, как в целях экономии на угле в качестве топлива для обогрева дома заготавливались лепешки из глины, навоза и соломы [9, с. 84].

Также описывается завтрак пожилого консьержа в доме, где проживала семья Хисамити, состоящий из дешевого черного хлеба и сваренного на пару картофеля. Подчеркивается, что консьерж был не в состоянии позволить себе непременный атрибут русского чаепития - варенье. Семья Хисамити поддерживала семью консьержа, регулярно снабжая продуктами [9, с. 76].

Като Тосико описывает трагическую судьбу бывшей домработницы, близкого друга своей семьи, пожилой женщины Фроши. Фроша переживает гибель мужа, невестку насильно увозят в Советский Союз, после чего пропадает и сын. Фроша одиночество переносит достойно, утверждая, что у нее осталось множество друзей [6, с. 72].

В мемуарах Янагита Момотаро обездоленный русский иммигрант ищет спасение в религии, а русские женщины – в возможности выйти замуж за японского «толстосума» [13, с. 171].

Следующий образ «советского солдата», оккупанта Маньчжурии, описывается как крайне негативный, и способен вызывать у читателя исключительно чувство ненависти. Период советской оккупации Маньчжурии в августе 1945 г. подробно отображается во всех японских мемуарах. Советский солдат изображается как бандит и преступник.

Като Тосико, описывая внешний вид советских солдат, обращает внимание на неопрятность, недопустимую для японского военного. Като вспоминает, что у напавших на пункт размещения японских женщин и детей советских солдат был «одурманенный взгляд» [6, с. 14], добавляя, что они издавали «дикие крики», «вопили» и «врывались при помощи пинка в дверь» [6, с. 16].

Однако Одзэки Хисамити особенно удается вызвать у читателя ненависть к советскому солдату. Одзэки описывает эпизод, в котором советский солдат хладнокровно застреливает японского мальчика [9, с. 54].

Кацуяма Есико вспоминает, насколько унизительно поступил с ней советский солдат. Солдат бросает юной Кацуяма Есико кусок черствого хлеба, который она, рискуя жизнью, гордо откидывает [7, с. 141].

Также Кацуями Есико воздействует на читателя, подчеркивая, насколько болезненным и унизительным событием для японского населения был приказ о конфискации мечей [7, с. 183]. Однако, одновременно, в мемуарах Кацуяма призывает и «пожалеть» советского солдата. Советские солдаты отбирали у японского населения наручные часы, и Кацуяма подобные действия объясняет тем, что необразованный советский солдат – выходец из деревни, никогда не видел наручных часов [7, с. 186].

Фигурирует в японских мемуарах и образ «русской белоиммигрантки». Като Тосико пишет, что жизнь женщины в Японии того периода была полна всевозможных ограничений. В глазах Като русская женщина выглядела более свободной и уверенной в своих силах.

Восхищало и умение помимо выполнения домашних обязанностей находить время и «для себя». Например, хозяйка квартиры Като Тосико, мадам средних лет, по вечерам непременно «прихорашивалась» и выходила «в свет» [6, с. 35]. Като подчеркивает, что русская иммигрантка, вне зависимости от материального положения, обладает чувством собственного достоинства и безупречного стиля. В качестве примера приводится всегда элегантная домработница Оля – достойный пример для подражания каждой японки [6, с. 111].

Также подчеркиваются такие качества русских иммигранток, как доброта, желание помогать и опекать. Например, хозяйка квартиры, где проживала Като Тосико, взяла на себя роль «мамы», поддерживая и обучая молодую японку в различных вопросах [6, 113].

В мемуарах Като Тосико редко приводится описание внешности русских женщин, однако большой акцент делается на их душевных качествах и чертах характера.

В мемуарах Янагита Момотаро отражается «мужской» взгляд на русскую иммигрантку. Чиновник администрации государства Маньчжоу-го Янагита Момотаро осуждал некоторых русских белоиммигранток за корыстолюбие – по мнению автора, как уже отмечалось ранее, многие из русских женщин стремились поправить материальное положение путем замужества за состоятельного японца, и, в принципе, ради выживания готовы были продавать и «самое дорогое» [13, с. 171].

Янагита Момотаро не обходит стороной и внешнюю привлекательность русских девушек, в мемуарах представлен портрет славянкой красавицы глазами японского мужчины. Во внешности отмечаются такие детали, как цвет лица – «не желтый, не белый, а скорее - пшеничный», и такая пикантная особенность как «милый пушек над губами» [13, с. 221].

Как отмечалось ранее, исследователем «маньчжурской литературы» было замечено, что герой японских рассказов – японский мужчина, хотя и наслаждался красотой русских женщин, в большинстве случаев предпочитал «сохранять дистанцию», и потому дело до брака не доходило. В мемуарах Янагита также размышляет о возможности замужества с русской женщиной, делая вывод о бесперспективности такого шага. Первой причиной названа несчастливая судьба совместных детей, которым в будущем не избежать обвинений в шпионаже. Вторая причина связана с опасениями, что со временем красивая русская девушка станет «толстой, как бочка с цементом» [13, с. 221].

В мемуарах Янагита Момотаро образ русской белоиммигрантки, мадам зрелого возраста, описывается следующим образом. Хозяйка его съемной квартиры хотя и «толстая, как борец сумо» [13, с.220], однако обладает такими добродетелями как «безупречность манер», «свободное владение английским языком», «хлебосольность», «интеллигентность и образованность, которыми японки обделены». К недостаткам относится ее стремление к контролю «всего вокруг», из-за чего она может показаться в некоторой степени «занудой» [13, с. 220].

В описании образа русской белоиммигрантки отражается позиция Янагита Момотаро как представителя «доминирующего» класса, что выражается, несмотря на присутствие доли авторской иронии, в несколько предвзятом отношении к русской женщине.

Отсюда видно, что при создании в мемуарах образов «русского белоиммигранта» и «советского солдата», японские авторы стремились «нарисовать» натуралистический портрет, основной функцией которого можно назвать «моделирование читательского восприятия». При создании образа «русской белоиммигрантки» используется способ прямой и косвенной характеристики. По данной причине и портрет приобретает «характеристическую функцию», где главной целью является раскрытие характера героя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что авторский взгляд на русский национальный характер и русского человека формировался под влиянием таких факторов, как глубина контактов с русскими людьми, личное отношение автора к русской культуре и русским людям, социальный статус, а также возраст и пол.

Если в мемуарах дружелюбно настроенной по отношению к русским людям Като Тосико в целом складывается положительный образ русского человека, то в мемуарах представителя «доминирующей» культуры Янагита Момотаро образ русского человека имеет и негативные черты. Вопрос доверительных отношений между японцем и русским особенно актуален в мемуарах Гото Харуеси и Кацуяма Есико.

Глубина интереса автора к русской культуре отражена в степени детальности описания портрета русского человека и русского национального характера.

Безусловно, во всех воспоминаниях фигурирует негативный образ «советского бандита», однако отношение большинства японских авторов к своему «русскому соседу» в Маньчжурии можно охарактеризовать как положительное или нейтральное.

Литература:

1. Барахов В.С. Литературный портрет: истоки, поэтика, жанр. Москва. Наука, 1985. 312 с.

2. Гото Харуёси (ред.) 後藤春吉編 Харбинские воспоминания ハルビンの想い出。— 京都：協和印刷社、1973 年。464 с.

3. Игауэ Нахо 伊賀上野 Образ русской крестьянки в японских рассказах: взгляд японского писателя 小説表象としての農村ロシア人女性：日本人作家の眼を通じて// 女たちの満州（生田美智子編）。－大阪：大阪大学出版社、2015 年。320 с.

4. Икута Мичико 生田美智子 Образ колониализма. На примере русской диаспоры в Маньчжурии 植民地主義の表象：「満洲」のロシアディアスポラの場合//『ロシア・東欧研究』大阪外国語ヨーロッパ I 講座、第 12 号、2007 年。Сс. 91-95

5. Икута Мичико 生田美智子 Образ русской белоиммигрантки. Одежда и обнаженный образ 満洲の亡命ロシア女性の表象: 着衣と裸体 //『セーヴェル』、第 26 号、2010 年。Сс. 9-33

6. Като Тосико 加藤淑子 Слышится харбинская песня ハルビンの詩が聞こえる。－ 東京：

藤原書店、2006 年。262 с.

7. Кацуяма Ёсико 勝山好子 Закат на Сунгари 夕映えのスンガリー。— 東京:光陽社、2007 年。280 с.

8. Коидзуми Кёми 小泉京美 Образ русских белоиммигрантов в Маньчжурии: путь от «розовых» иммигрантов до « Маньчжурской литературы» 「満洲」の白系ロシア人表象：「桃色」のエミグラントから「満洲の文学」まで//『昭和文学研究/ 昭和文学研究会』第 1 集、2012 年。Сс. 1-13

9. Одзэки Хисамичи 小関久道 Харбин. Воспоминания ハルビン。回想。— 東京：文芸社、2002 年。182 с.

10. Сэкимура Хироко 関村博子 Хроники Харбин-Синдзюку ハルビン新宿物語。— 東京：講談社、1995 年。284 с.

11. Фукуяма Икуко 福山郁子 Моя Маньчжурия. Такая, какой ее запомнила 私の満州。思い出すままに。－福岡市：社海鳥印刷社、2006 年。284 с.

12. Шкляева Е.Л. Мемуары как «текст культуры»: Женская линия в мемуаристике 19-20 вв., 2002, Барнаул, 181 с.

13. Янагита Момотаро 柳田桃太郎 Сумерки Харбина ハルビンの残照。— 東京：原書房、1986 年。262 с.